Константин Бондаренко
(Могилев)

Русские и белорусские монархисты в литературе 20-30-х гг. прошлого века

Более ста лет прошло с того времени, когда первая российская революция вызвала к жизни черносотенно-монархическое движение, представленное правоконсервативными партиями и союзами, выступившими на защиту традиционных устоев русского государства. Проблема его зарождения и практической деятельности на территории тогдашних белорусских земель долгое время оставалась вне специального научного исследования. Считалось, что в Беларуси, в рассматриваемый период, организационно оформленного монархического движения, как важной составляющей общественных отношений, просто не существовало. Однако, исследования последних лет показали, что белорусские губернии, входящие в состав Северо-Западного края империи, мало чем отличались в этом вопросе от центральных, а часто и превосходили их по уровню концентрации и активности монархических образований, возникших здесь в качестве самостоятельных, или же отделов и подотделов общероссийских партий и союзов. Более того, белорусские монархические организации, с незначительными особенностями, как две капли воды были похожи на своих собратьев в центре России[1]. Все это диктует насущную необходимость обратиться к историографическому анализу общероссийского материала, имеющего прямое отношение к данной теме научного исследования.

Историография монархического движения в Российской империи начала XX века включает в себя несколько периодов, отличающихся друг от друга методологией исследования, кругом привлекаемых источников, уровнем теоретических обобщений фактического материала. С 1905 г. до февральско-мартовских событий 1917 г. она была представлена в основном публицистическими работами идеологов различных политических течений и характеризовалась самым широким спектром оценок программных требований, стратегии и тактики, а также печатных и устных заявлений лидеров монархических партий и союзов, что и нашло

[1] В предлагаемой публикации термины «монархический», «правый», «консервативный» «правомонархический», «правоконсервативный», «черносотенный» расцениваются как синонимы, хотя в современной исторической литературе единого мнения о семантической обоснованности подобного обобщения вышеназванных определений в одну категорию пока не сложилось.

свое отражение в современных исследованиях российских и белорусских ученых[2].

В целом, трудам революционно-демократических и либеральных идеологов и политиков, был присущ описательный характер, свойственна полемическая заостренность и категоричность суждений; главные вопросы деятельности монархических партий были лишь обозначены и подавались в одностороннем негативном виде, что со временем легло в основу традиционного обличительного отношения к освещению стратегии и тактики защитников самодержавия, православия и народности. Вместе с тем, первым исследователям, насколько это позволяла реальная действительность, удалось сделать главное — собрать и во многом систематизировать огромный фактический материал о существовании одной из крупнейших политических сил Российской империи начала XX века и тем самым заложить фундамент для последующего всестороннего научного изучения и накопления знаний по истории монархического движения.

После Октябрьской революции деятельность право-монархических организаций стала изучаться советскими историками и политиками в контексте проблем, связанных с исследованием социально-экономической и политической структуры царского самодержавия. Вместе с тем, мы вправе выделить литературу 20-30-х гг. прошлого века в качестве самостоятельного периода историографии монархического движения. В эти годы увидели свет работы, авторы которых освещали историю возникновения правых партий и союзов, их идеологию, программные требования, стратегию и тактику под влиянием еще неостывших впечатлений и эмоциональных переживаний недавно завершившихся революционных событий и страданий гражданской войны. Их оценки прошлого в значительной мере определялись и наличием монархиче-

[2] Ю. Ю. Иерусалимский, Е. А. Кокорина, *Историография черносотенно-монархического движения в 1905-1907 гг.*, «Вестник Московского университета. Серия 8. История», Москва 1994, № 3, с. 27-39; В. А. Михедько, *Крайне правые организации в Беларуси: формирование и деятельность (1903-1914 гг.)*: Автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02, Белорусский государственный университет, Минск 2001, с. 6-9; Ю. И. Кирьянов, *Правые партии в России. 1911-1917 гг.*, Москва 2001, с. 27-68; И. В. Омельянчук, *Черносотенное движение в Российской империи (1901-1914 г.г.)*: Автореф. дис... докт. ист. наук: 07.00.02, Воронежский государственный университет, Воронеж 2006, с. 4-20; Е. М. Михайлова, *Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика*: Автореф. дисс... докт. ист. наук: 23.00.01, Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова — Ленина, Казань 2007, с. 8-22; К. М. Бандарэнка, *Гістарыяграфія манархісцкага руху ў Расійскай імперыі (дасавецкі перыяд)*, «Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя», Мінск 2008, № 3 (57), с. 6-11.

ской эмиграции, которая, по убеждению многих, представляла хотя и незначительную, но все же реальную по тому времени идейно-нравственную опасность для молодого Советского государства. Поэтому в большинстве работ этого периода мы встречаем стремление исследователей к жесткому, часто безосновательному наклеиванию ярлыков и приписыванию правым союзам и партиям всякого рода небылиц, призванных как можно глубже «разоблачить» и опорочить в глазах широкой общественности своих бывших политических оппонентов.

Своеобразным камертоном для советских исследователей монархического движения стал очерк одного из основоположников советской исторической науки 20-30-х гг. прошлого столетия, академика АН СССР Михаила Покровского «Мир и реакция» в опубликованном в 1925 г. сборнике «1905. История революционного движения в отдельных очерках», посвященном 20-летию начала первой русской революции. Автор откровенно выполнял партийный заказ (в то время по другому и быть не могло — К. Б.), суть которого сводилась к созданию в лице сторонника самодержавного строя бездумного, безграмотного, деклассированного элемента, используемого царским правительством в качестве темной силы для борьбы с революцией. Не утруждая себя изучением исторических документов, партийный идеолог приводит выдержки из большевистского журнала «Пролетарий» от 11/24 июля 1905 г. о столкновениях революционеров с защитниками традиционных общественных устоев в различных городах России и на основании этих пропагандистских материалов делает далеко идущие выводы. Правых, он, также как и его предшественники социал-демократы, называет оскорбительным словом «черносотенники». Их социальный состав ограничивает представителями местной администрации в лице чиновников, полиции и казаков, мещан и рабочего люда, постоянно стараясь подчеркнуть прямую связь антиреволюционных выступлений правых с целенаправленной антинародной деятельностью властей и уличить последних в покровительстве погромщикам. Правда М. Покровский все же признает, что выступления «черной сотни» стали своеобразным ответом на революционные акты, организуемые социал-демократами и другими левыми партиями[3].

К работам подобного рода можно отнести и небольшую брошюру И. Когана «Погромы в дни свободы (октябрь 1905 г.)», вышедшую в издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев

[3] М. Н. Покровский, *Мир и реакция*, [в:] *1905. История революционного движения в отдельных очерках*, Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. и Истпарт ЦК РКП (б).: под ред. М. Н. Покровского, Москва — Ленинград 1925, т. 2, с. 225-263.

в том же 1925 г. Обращаясь к событиям 1905-1906 гг., автор отмечает, что на начальном этапе революции погромы были направлены против евреев и интеллигенции, так как «интригами евреев и интеллигенции злонамеренно объяснялись все неурядицы внутренней жизни»[4]. Далее следует вполне справедливое замечание о том, что осенью 1905 г. «полоса политических погромов достигает своей высшей точки: она уже не довольствуется одними инородцами, а захватывает всю революционную молодежь»[5]. И здесь же дается характеристика участников уличных столкновений, но только со стороны защитников государственных устоев, причем в полном соответствии с пропагандистскими штампами идеологов леворадикальных сил. «В погромах 1905 г. участвуют организующиеся повсюду «черные сотни», в состав которых, — как считает автор, — входят агенты охранных отделений и множество чиновников других ведомств. На помощь себе при устройстве погромов они призывают все подонки общества. Черные сотни, — утверждает И. Коган, — положили начало организации «Союза русского народа», признанного скоро опорою престола Николая II. Самодержец всероссийский является верховным покровителем этой полуправительственной погромно-разбойничьей шайки...»[6]. А затем речь идет о прямых связях правых с властными структурами и обвинения Союза Русского Народа (СРН) во всех социальных потрясениях и жертвах революционного лихолетья. Данная брошюра, среди немногих, появившихся в эти годы, содержит краткий материал о погромах в Белостоке и Минске, при этом минский погром назван одним «из наиболее жестоких». Это, по мнению автора, проявилось в том, что в разгоне несанкционированного митинга, с применением оружия, участвовали регулярные войска. Следует отметить, что к организации столкновений 18 октября 1905 г. в Минске правые партии не имели никакого отношения, на что указывает и бывший в то время минским губернатором Павел Курлов в своей книге «Конец русского царизма», вышедшей из печати в 1923 г.[7]

Определенным вкладом в историографию монархического движения середины 20-х годов стала работа Льва Войтоловского «Очерки коллективной психологии», в которой содержался обстоятельный анализ проблемы социальной психологии различных классов и общественных сил в условиях их противостояния в 1905-1907 гг. Автор приходит к выводу, что «(...) вся борьба общественных сил — по своему социально-психи-

[4] И. Коган, *Погромы в дни свободы (октябрь 1905 г.)*, Москва 1925, с. 5.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] П. Курлов, *Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов*, Москва — Петроград 1923, с. 35-37.

ческому смыслу — сводится к оглушению эмоциональной отзывчивости, и тем самым — к утверждению духовной апатии в рядах противника»[8]. На решение этой задачи, по его мнению, и было направлено монархическое движение. Здесь же дается своеобразная характеристика социального состава Союза Русского Народа «Как известно, — пишет автор, — эта погромно-монархическая организация состояла из элементов трех категорий, весьма различных по своему социальному положению. Наиболее «мирную» группу этого воинствующего союза составляли помещики-аристократы, предпочитавшие проводить свою классовую политику путем непосредственного давления на родственные им государственные сферы, по возможности не пользуясь рискованной помощью во Христе погромствующих «низов». Что касается последних, т.е. низов, то они складывались из двух абсолютно враждебных категорий. К первой — принадлежали кулаки, кабатчики, мелкие лавочники — злейшие ненавистники «крамолы» так или иначе колеблющей священные основы «порядка», т.е. собственности. Ко второй категории союзнической «черни» принадлежали «босяки», золоторотцы, раклы, почетный и потомственный люмпен — все деклассированные элементы царских времен. Голодные отверженцы общества, пугачёвцы и бунтари по натуре, всегда готовые грабить, насильничать и громить, они составляли самые боевые кадры «черной сотни»[9]. Нам остается только предположить, что социал-демократ Л. Войтоловский сознательно «забыл» о том же потомственном люмпене, который составлял ударную силу большевиков в их борьбе за власть в 1917-1920 гг.

Вызывают определенный интерес (в силу своей правдивости — К. Б.) выводы Л. Н. Войтоловского о парадоксальных последствиях результативной охранительной деятельности правых союзов, о том, что разбушевавшаяся в годы революции «народная стихия» стала практически неуправляемой и, после выполнения своей умиротворительной миссии, лишившись поддержки со стороны царской власти, выступила с резкой критикой правительства, которая мало чем отличалась от революционной риторики левых сил. В качестве примера в очерках приводятся действия Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (СМА), выступившего «с обвинительным манифестом против всей высшей бюрократии, резко обличая последнюю в том, что она всячески поддерживает финансистов, спаивает народ водкой, и доход от винной монополии тратит на уплату «жидам» процентов по внешним займам, игнорирует интересы крестьянства, не оказывает поддержки мел-

[8] Л. Н. Войтоловский, *Очерки коллективной психологии*, ч. II: *Психология общественных движений*, Москва — Ленинград 1925, с. 74.

[9] Там же, с. 75-76.

кому сельскому хозяйству и т.д. и т.п.»[10].

О предполагаемой причастности правых партий к погромам в годы первой русской революции имеется некоторый материал в книге Абрама Киржница «Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г.»[11]. Её автор в основном ограничился собственными комментариями опубликованных в социал-демократической печати газетных статей, призывавших к предотвращению якобы готовящихся правительством и полицией погромов, направленных против революционных выступлений и еврейского населения. В работе содержатся документы, свидетельствующие об организации большевиками революционных боевых дружин, в задачу которых входило вооруженное противодействие своим политическим противникам в лице сторонников самодержавия. Однако, приводимые в книге факты не подтверждают прямого участия в подготовке и организации погромов правых партий и союзов, тем более, что они происходили в большинстве случаев в октябре 1905 г., а основные политические организации монархистов стали создаваться в конце ноября 1905-1906 гг. Наоборот, автор публикует конкретные данные об активной деятельности боевых дружин революционеров, в частности, в городах Северо-Западного края — Вильне, Витебске, Гомеле, Бобруйске, Двинске и Минске. Вот что пишет по этому поводу А. Киржниц: «(...) При двинском комитете РСДРП организовалась так называемая «боевая дружина». Её задачей было охранять митинги, манифестации от налетов полиции и казаков, бороться с черной сотней, покушавшейся не раз на устройство еврейских погромов. К декабрю 1905 г. боевая дружина насчитывала около 200 «боевиков». Вот эта боевая дружина, вместе с дружинами других революционных организаций, и помешала двинской полиции устроить в городе еврейский погром (...). И в Вильне, Минске, Гомеле и Бобруйске также были организованы рабочие боевые дружины, которые в октябрьские дни оградили эти города и прилегающие к ним местечки от погромов. Такие отряды самообороны (...) были во всех городах Северо-Западного края, и благодаря им октябрьская погромная волна почти совершенно не задела этого густо населенного края»[12].

Отдельную группу исследований историографического характера в 20-30-е годы составили работы Бориса Титлинова, Бориса Кандидова, Н. М. Ростова, Г. Д. Костомарова, Ф. К. Попова о связях русского православного духовенства с монархическим движением. Их появле-

[10] Там же.

[11] А. Киржниц, *Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г.*, Москва 1930.

[12] Там же, с. 46-48.

ние было вызвано, скорее всего, «церковным террором» предпринятым партией большевиков в 1922 г. Наряду с репрессиями в отношении священнослужителей в 20-30-е гг. проводилась активная антирелигиозная пропаганда, частью которой стала волна обличительных статей, брошюр и книг воинствующих атеистов в адрес православного духовенства, поддержавшего в первой русской революции самодержавный режим и участвующего в создании и деятельности монархических партий и союзов. В соответствии с идеологическими установками правящей большевистской партии и духом времени, их авторы стремились во чтобы то ни стало убедить читателя в реакционной сущности церкви в годы революции и, изобличить ее служителей как идеологов черносотенного движения.

В одной из монографий Б. В. Титлинова содержится некоторый материал об октябрьских погромах 1905 г. и обращается внимание на отдельные эпизоды участия православных священников в деятельности Союза Русского Народа. Рассматривается роль церкви в проведении правыми партиями избирательных компаний и работа ее представителей в Государственной думе I-IV созывов. Кроме того, представляют интерес размышления автора о влиянии правых сил на реформаторскую деятельность церковных иерархов и их противодействии либеральным нововведениям[13]. Вторая работа Б. В. Титлинова, наряду с повторением некоторых положений первой, в большей мере посвящена пояснениям содержания проповедей и поучений православного духовенства верующим и их значения для активизации контрреволюционных выступлений правых сил[14].

В 1930 г. в издательстве «Атеист» вторым изданием вышла книга Б. П. Кандидова «Церковь в 1905 г.» (первое появилось в середине 20-х г.г. — К. Б.). В специальном разделе «Участие церкви в черносотенном движении и организации погромов» он утверждает, что правые союзы создавались при непосредственной помощи духовенства, высшие иерархи которого затем и стали их руководителями. По этому поводу автор пишет: «Летом 1905 года при помощи полиции и духовенства, начинают организовываться черносотенные партии (...). Во многих губерниях церковники являлись главарями местных отделов этих банд (...). Многие из попов на черносотенной деятельности сделали себе «карьеру, как например, протоиерей Восторгов»[15]. Если отбросить оскорбительный тон изложения, то по сути Б. Кандидов приводит, в боль-

[13] Б. В. Титлинов, *Православие на службе самодержавия в русском государстве*, Ленинград 1924, с. 180-207.

[14] Б. В. Титлинов, *Церковь во время революции*, Петроград 1924, с. 3-190.

[15] Б. П. Кандидов, *Церковь в 1905 г. (очерки и материалы)*, Москва 1930, с. 89 -90.

шинстве случаев, реальные факты (за исключением времени образования СРН и СМА — лето 1905 г., а на самом деле первый возник в ноябре 1905 г., второй окончательно оформился в марте 1908 г. — К. Б.). Совершенно по иному он описывает социальный состав монархических организаций. «Эти партии (союз русского народа, союз Михаила Архангела и т.д.) выражали интересы помещиков, царских чиновников и попов. Помимо указанных, в ряды этих банд входили дворники, тайные и явные полицейские, так называемые «белоподкладочники (из рядов барского студенчества), некоторые приказчики, всевозможные проходимцы и жулики»[16]. Как видно из приведенной цитаты, Б. Кандидов не смог избежать штампов и ярлыков, которыми, еще с революционных времен, наделяли монархистов их непосредственные политические противники. Двумя годами раньше (1928 г.) была опубликована его брошюра «Крестом и нагайкой», в которой основное внимание уделялось истории отдела СРН, созданного архимандритом Виталием в Почаевской Лавре, крупнейшем православном монастыре Галиции, в семи километрах от австрийской границы и являвшейся, по мнению автора, «организационной базой и опорным пунктом для черносотенного движения юго-западной Руси (...)»[17]. В данной работе содержится также интересный материал о т.н. церковно-черносотенной «философии», печатной продукции монастырского издательства, создании и деятельности курсов агитаторов при отделе СРН, церковно-черносотенного банка, кооперации и т.д. Однако здесь, как и в более поздних работах Б. Кандидова отсутствует научный анализ приводимых фактов и превалируют уже знакомые нам обличительные мотивы в духе официальной идеологии 20-30-х гг. прошлого века.

Н. М. Ростов в монографии «Духовенство и русская контр-революция конца династии Романовых», в отличие от своих собратьев по перу, попытался более обстоятельно разобраться в социальном составе политических партий, по его выражению, насквозь пропитанных ненавистью к революции «с ярко выраженным монархическим содержанием», преследующих «точно определенные классовые цели»[18]. Однако и он не избежал устоявшихся односторонних негативных оценок. Рисуя картину первого публичного митинга, организованного 21 ноября 1905 г. в Петербурге только что созданным Союзом Русского Народа, Н. Ростов пишет: «Уже по этому первому публичному оказательству «союзников» можно в точности представить себе их состав и дальнейшую деятель-

[16] Там же.

[17] Б. П. Кандидов, *Крестом и нагайкой (Почаевская Лавра и черносотенное движение)*, Москва 1928, с. 10-11.

[18] Н. Ростов, *Духовенство и русская контр-революция конца династии Романовых*, Москва 1930, с. 3.

ность. Это было прежде всего сброд всех деклассированных элементов общества, за деньги способных на любое преступление: затем шли прикосновенные к органам полицейской охраны — жандармы, дворники, шпионы, полицейские (...). В центре — руководящее ядро из незадачливых интеллигентов, сановников, бюрократов, помещиков, купцов и без конца духовных пастырей. Последние в «союзе русского народа» играли положительно доминирующую роль, особенно в провинции. Во многих городах «союз» бывал делом исключительно их рук»[19]. Такова оценка социального состава монархического движения и места в нем представителей православной русской церкви. Как видим, здесь нет ни слова об участии в СРН рабочих и крестьян, что, как правило, было свойственно всем работам рассматриваемого периода.

К положительным сторонам монографии можно отнести изложение автором истории зарождения и организационного оформления монархического движения начиная с Русского Собрания и до Союза Русского Народа включительно. При этом, Н. Ростов одним из первых среди исследователей данной проблемы отмечает специфические черты вновь образуемых партий, справедливо ставя на лидирующие позиции СРН[20]. Вместе с тем, автор неоднократно повторяет давно избитый тезис о непосредственном участии СРН в организации погромов 1905 г.[21] В работе также рассматриваются устремления монархистов к консолидации своих сил через проведение объединительных съездов, участие правых в избирательных компаниях и их работа в Государственной думе, проведение манифестаций, крестных ходов и других мероприятий верноподданнического характера[22]. Н. Ростов одним из первых поднял вопрос о причинах и сути раскола Союза Русского Народа на фактически три самостоятельные политические партии[23].

Г. Д. Костомаров в небольшой брошюре «Черная сотня под флагом религии в 1905 году» приводит ряд документов, в которых отражена обстановка в Москве и прилегающих окрестностях в период всеобщей октябрьской забастовки и декабрьского вооруженного восстания. Относительно роли церкви в это тревожное и полное драматизма время, он утверждает, что «церковь не только была идейным вдохновителем разгрома революции (...). Она организовала отряды черной сотни, комитеты тайной самоохраны, под ее руководством избивались мирные демонстрации, громились рабочие кварталы, учинялась жестокая рас-

[19] Там же, с. 77.
[20] Там же, с. 51-56, 76-78.
[21] Там же, с. 68, 77-80.
[22] Там же, с. 81-144.
[23] Там же, с. 138-146.

права над студентами и т.п.»[24]. Мысль о том, что именно церковь, и в особенности православной конфессии, являлась организатором и идейным вдохновителем контрреволюции, проходит у Г. Костомарова красной нитью через всю книгу. «Заручившись одобрением «монарха», — пишет он далее, — митрополиты, епископы и попы двинулись в поход против революции и именем Христа благословляли казаков и черную сотню на разбой, грабеж и убийства, при которых не щадили ни взрослых, ни детей»[25]. В том же ракурсе в брошюре подается характеристика социального состава монархического движения. Её автор, явно выполняя государственный заказ и не утруждая себя объективным анализом реальных фактов, заявляет, что «попы (...) организовали контрреволюционные силы (...) группировали под сенью Креста отряды черной сотни, прочный союз «русских людей» из московских купцов, монахов, разного рода базарных торговцев и подонков преступного мира»[26].

Определенный интерес, с точки зрения знакомства с историческими фактами и ситуацией в центральном регионе России, представляет книга Ф. К. Попова «Попы-черносотенцы», в которой автор, на материалах Ярославской губернии, рассуждает о роли церкви в деле защиты самодержавия и высказывает в ее адрес резкие осуждения за связи с СРН[27]. Причины погромов и их участники характеризуются в духе официальной, большевистской идеологии без какого-либо анализа, обобщений и выводов[28].

Особое место в историографии монархического движения 20-30-х гг. занимает книга В. Н. Залежского «Монархисты». Она была, пожалуй, единственной работой этого периода, в которой автор попытался дать общую картину состояния, а затем и организации правых сил в политические партии и союзы. В разделе «Классовая природа политических партий» В. Залежский совершенно справедливо отмечает, что именно нарастание революционного движения в России начала XX в. вызвало к жизни различного рода контрреволюционные образования, и в первую очередь дворянства и помещиков, выступающих в защиту самодержавия, служащего гарантом их интересов, особых прав и привилегий. Ссылаясь на Маркса, автор подчеркивает, «что революция сплачивает силы контр-революции. Ярким подтверждением этих слов Маркса, — пишет он далее, — и являются те попытки сплочения дворянства в политиче-

[24] Г. Д. Костомаров, *Черная сотня под флагом религии в 1905 году*, Москва 1931, с. 3.
[25] Там же, с. 6.
[26] Там же, с. 16-17.
[27] Ф. К. Попов, *Попы-черносотенцы*, Иваново-Вознесенск 1932, с. 25-38.
[28] Там же, с. 34-36.

скую организацию под видом правых и монархических партий, которые мы имеем перед революцией и во время революции 1905 года»[29].

Своеобразная схема политического самоопределения правых сил, предложенная В. Залежским, дополняется в последующих разделах книги относительно подробным и обстоятельным описанием истории возникновения и деятельности важнейших монархических партий и союзов, начиная с Русского Собрания и заканчивая Советом объединенного дворянства[30]. К несомненному достоинству работы можно отнести стремление ее автора разобраться в тактике правых партий в революционных событиях 1905-1906 гг., их деятельности в эпоху I и II Государственной думы, а также в постреволюционный период реакции и в годы мировой войны. В этих разделах мы встречаем хотя и незначительные по содержанию, но все же познавательные материалы, освещающие отдельные эпизоды, связанные с революцией и монархическим движением на территории тогдашней Беларуси. В частности, автор упоминает о существовании отдела Русского Собрания в г. Вильна, приводит сведения о попытке «депутата от Гродненской губернии, земского начальника Ерогина организовать общежитие для депутатов крестьян, где бы их можно было обрабатывать в духе идей правых партий», дает некоторые собственные пояснения по Белостокскому погрому 30 июля 1905 г. и еврейскому погрому в Минске (произошедшему, скорее всего в январе 1906 г. — К. Б.)[31].

Книга В. Н. Залежского носит научно-популярный характер и предназначена для массового читателя, что привело автора к определенным упрощениям в изложении реальных фактов и их чересчур вольной интерпретации. Так, например, октябрьские погромы он связывает с Союзом Русского Народа, который, как известно, был создан в ноябре 1905 г. и начал формировать свои отделы и подотделы в центральных районах и на окраинах России только в 1906 г., тенденциозно подается и социальный состав этой партии. «В это-то время, — утверждает В. Залежский, — возникает Дубровинский «Союз Русского Народа», который наряду с погромно- настроенной мелкой буржуазией организует и втягивает в свои ряды упомянутые уже выше подонки общества, — босяков, хулиганов, сутенеров, лиц темных профессий и прямой уголовный элемент. К середине октября всероссийская черносотенная организация «низов» в основном была закончена и предоставила себя в распоряжение правительства»[32].

[29] В. Н. Залежский, *Монархисты*, Харьков 1929, с. 10.
[30] Там же, с. 11-32.
[31] Там же, с. 12, 44-45, 50.
[32] Там же, с. 45.

В том же 1929 г. был опубликован сборник документов о Союзе Русского Народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства с обширной вступительной статьей В. П. Викторова, в которой автор во многом повторяет схему возникновения правых организаций, предложенную В. Н. Залежским в рассмотренной выше работе. В. Викторов совершенно справедливо заметил, что именно «рост рабочего движения, начало крестьянского движения, втягивание в революцию интеллигенции (...) ставили перед правительством и господствующим классом задачу организации какой-то «народной» партии, которая бы выступила в защиту самодержавия (...). Именно в этот период на помощь правительству выходит союз русского народа»[33]. В статье анализируется идеология монархических организаций — предшественников СРН, их стратегия и тактика, рассматриваются важнейшие программные требования. Особое внимание автор уделил социальной стороне программы Союза Русского Народа и пришел к выводу, что его «социальная программа сводилась к общей формуле — «поднятие народного благосостояния»[34]. Однако вслед за этим, вполне справедливым утверждением, В. Викторов попытался уличить СРН в политическом популизме. «Укрепить в низах идею возможности разрешения социальных и экономических противоречий, идею поднятия благосостояния при помощи самодержавия, — утверждает он, — эту цель и поставил союз русского народа. Идея разрешения социальных противоречий при помощи самодержавия, — пишет он далее, — обеспечивала безусловно союзу русского народа известный контингент членов из мелкобуржуазных низов, не изживших еще веры в царя, как «отца» народа, заботящегося о своих подданных»[35].

В. Викторов одним из первых коснулся причин раскола СРН на враждующие организации, показал суть существующих между ними разногласий, вскрыл каналы финансовых поступлений в партийные кассы правых, дал обстоятельную характеристику социальной базы монархического движения в целом, определил географию распространения монархических организаций, отметив «значительную роль союза русского народа в западных окраинных областях»[36].

Одной из последних работ этого периода, в которой нашли отражение события связанные с деятельностью монархических организаций, стала книга Е. Д. Черменского «Буржуазия и царизм в революции 1905-

[33] *Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г.*, сост. А. Черновский; ред. и вступ. статья В. П. Викторова, Москва — Ленинград 1929, с. 3.

[34] Там же, с. 6.

[35] Там же.

[36] Там же, с. 7-15.

1907 гг.», вышедшая первым изданием в 1939 году. В ней, по ходу обстоятельного анализа основных проблем исследования, автор затронул тему погромов, участия в них черных сотен, а также вскользь коснулся социального состава контрреволюционных сил. «Царские власти, — как он утверждает, — в целях раздробления борьбы масс вербуют банды из подонков населения, которые под предводительством реакционных помещиков, духовенства и полиции устраивают массовые избиения революционеров и еврейского населения. Невиданная свистопляска погромов, разгул карательных экспедиций, массовые бессудные казни и бесчинства полиции, войск и черной сотни ярко демонстрировали перед лицом народа, чего стоят царские обещания свобод»[37]. Как следует из приведенной цитаты, ничего нового, по сравнению с предыдущими советскими исследователями истории монархического движения Е. Д. Черменский предложить, к сожалению, не смог. Более того, в книге содержатся косвенные свидетельства виновности в погромах революционных партий, включая и большевиков.

Обзор литературы 20-30-х гг. о правых партиях и союзах показывает, что, при всей своей тенденциозности, она содержала значительный фактический и документальный материал, легший в основу историографии монархического движения в более позднее время.

Konstantin Bondarenko — doktor nauk historycznych, docent, rektor Mohylewskiego Uniwersytetu Państwowego im. Arkadego Kuleszowa.

[37] Е. Д. Черменский, *Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг.*, под ред. В. А. Быстрянского, Москва — Ленинград 1939, с. 146-147.